

Агава Хироюки

**Адмирал Ямамото
Путь самурая**

ББК 68.4
А23

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Биографии»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Агава Х.

А23 Адмирал Ямамото. Путь самурая, разгромивше-
го Пёрл-Харбор. 1921—1943 гг. / Пер. А.С. Цыплен-
кова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. — 431 с. —
(За линией фронта. Биографии).

ISBN 978-5-519-73253-6

Книга Хироюки Агавы — это подробный рассказ о потомке старинного самурайского рода Нагаока — Ямамото Исороку, начавшего военную карьеру кадетом в Русско-японскую войну и завершившего ее главнокомандующим Объединенного флота. Военно-морской атташе посольства Японии в Вашингтоне, Агава был противником войны с Союзными Штатами и участвовал в Лондонской конференции по морскому разоружению, но вошел в историю как автор знаменитой атаки на Пёрл-Харбор. В книге повествуется о его военной и государственной деятельности, а также о частной жизни.

ББК 68.4

ISBN 978-5-519-73253-6

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2003
© Художественное
оформление серии,
ЗАО «Центрполиграф», 2003

Глава 1

1

Передо мной выцветшая от времени групповая фотография. На ней Ямамото Исороку, в те времена капитан 1-го ранга, вместе с более чем двадцатью другими офицерами, окончившими в один год с ним Военно-морскую академию. Снимок сделан в середине или в конце 1920 года, у входа в клуб морских офицеров.

Кроме Ямамото, можно узнать и других — тогда в расцвете сил; позднее все они стали адмиралами, занимали ключевые посты в императорском флоте Японии и влияли на судьбу целой нации. У одного улыбка сорвиголовы; лицо другого, высокого, торчит над остальной группой как водосточная труба; большинство — типичные морские волки, половина с усами по моде того времени. Однако верхняя губа Ямамото чисто выбрита; он поменьше ростом, и, судя по выражению, пойманному камерой, это человек мягкий, почти жалкий. Фотографии адмирала Ямамото Исороку, главнокомандующего Объединенного флота, столь популярные в печати военного времени, оставляют несколько другое впечатление — отчасти, несомненно, благодаря усилиям тех, кто фотографировал и публиковал снимки. А на том, о котором речь, этакий коротышка: чуть наклонился, чем-то удручен.

Соберите нескольких, не знающих, как выглядел Ямамото, и спросите, о ком из этих двадцати с небольшим скажешь, что он разработал впоследствии план атаки на

Пёрл-Харбор и командовал флотом, осуществившим этот план, — вряд ли кто-нибудь выберет нужное лицо.

Ямамото Исороку и в самом деле невысокого роста. 18 апреля 1943 года, когда он отправился в свой последний полет с восточной взлетной полосы на Рабаул, младший офицер Хайяси Хироси, командир истребителя, сопровождавшего его, впервые увидел Ямамото. Хайяси, сам по себе крупной комплекции, признался, что ему пришла мысль: «Почему это главнокомандующий раза в два меньше меня?»

Рост его 5 футов 3 дюйма (около 160 см), весил он примерно 125—130 фунтов (56—58 кг); сложения чуть не по-женски хрупкого; с пальцами пианиста (как утверждает одна хорошо его знавшая хозяйка ресторана). Правда, в отличие от пианиста он имел лишь восемь пальцев. Общеизвестно, что во время Цусимского сражения в результате прямого попадания русского снаряда в корабль «Ниссин», на котором Ямамото служил кадетом, ему оторвало у самого основания средний и указательный пальцы левой руки. Сам Ямамото вспоминал: «С оглушительным грохотом снаряд врезался в еще остававшуюся носовую 8-дюймовую пушку. Ядовитый дым окутал носовую часть корабля, а меня чуть не снесло силой жестокого взрыва. Я проковылял несколько шагов — и тут обнаружил, что таблицы, что висели у меня на шее, исчезли, а два пальца левой руки отхвачены и висят на одной коже».

Отсюда можно предположить, что он сам верил в это многие годы. Но кажется, истина состоит в том, что разорвало одну из собственных пушек «Ниссина», — это случается, когда ослабленная сталь ствола — после перегрева из-за непрерывной стрельбы на нее обрушиваются холодные волны — уже не способна сдерживать газы при выстреле. Вражеский ли снаряд тому причиной или несчастный случай на борту собственного корабля, только Ямамото знали в квартале гейш Симбаси как Восемьдесят Сен — такое он получил прозвище (обычная плата за маникюр гейши, всех десяти пальцев, — одна иена). Помимо потерянных пальцев, на теле его остались от того инцидента и другие примечательные шрамы...

Для Ямамото его физические данные не играли роли. На упомянутом фото мы видим гладко выбритого интеллигента, без особых внешних отличий. Ничего от облика жестокого военного лидера, — однако отсюда ни в коей мере не следует, что он не соответствовал посту главнокомандующего Объединенного флота.

Кроме того, разглядывание фотографии вызывает разнообразие чувства у тех, кто знает этот период истории. Известный своей прямоотой адмирал Инуэ Сигейоси, возглавлявший бюро по морским делам в то время, когда Ямамото был заместителем министра, делил адмиралов на первоклассных и второсортных. Из четырех (редкое число), произведенных в это конкретное звание, — Сиогава, Йосида, Ямамото и Симада — только Ямамото достиг первого класса.

Йосида Зенго, предшественник Ямамото на посту главнокомандующего Объединенного флота, вернулся министром в морское министерство, когда Ямамото оставил этот пост. Видимо, Ямамото чувствовал, что Йосиде можно доверить ту работу, которой он занимался вместе с министром Йонаи; но Йосида вскоре оставил этот пост.

В сформированном Тодзио правительстве Симада Сигетаро стал морским министром и оставался на этой должности с начала войны (Ямамото погиб в бою) до того момента, пока Тодзио неохотно расстался с властью — в июле 1944 года, после падения Сайпана. Он столь рабски исполнял распоряжения Тодзио, что за спиной его именовали «лакеем Тодзио».

Невозможно избавиться от ощущения — лучше бы Ямамото в какое-то подходящее время сам вернулся в правительство. Покинь он флот и стань морским министром, — Японию, возможно, ожидала бы другая судьба (хотя в этом случае какой-нибудь японский убийца избавил бы от хлопот того американского пилота, который покончил с Ямамото несколько позже). Действительно, чтобы изучить карьеру Ямамото и ее связь с последней войной, надо знать и это время, и, опять же, что случилось бы, если бы... И вот с одного маленького из этих «если бы», представленных жизнью Ямамото, хотелось бы начать всю историю.

Это случилось (или, более точно, не случилось) в тот самый день, когда император назначил Ямамото главным-командующим Объединенного флота.

В Японии сегодня имя Соримачи Эйичи знакомо многим. Ходил в ту же среднюю школу в Нагаоке, что и Ямамото, и, хотя младше на пять лет, стал одним из его закадычных друзей в родном округе. Двухтомный труд Соримачи под названием «Ямамото Исороку. Мужчина» описывает до мельчайших деталей атмосферу семьи Ямамото, его рождение и воспитание; пусть вся история преподносится тенденциозно и оспины выдаются за милые ямочки, а многие касающиеся героя неблагоприятные вещи опускаются — все равно в ней содержится материал, который нельзя найти в других источниках.

Утром 30 августа 1939 года Соримачи сел на станции Сибата главной магистрали Уэtsу в экспресс, отбывающий в Токио. В вагоне второго класса заметил своего старого знакомого Исивару Кандзи, в форме генерал-майора. Приветствовал Исивару и поинтересовался, куда тот направляется. Исивара ответил, что его назначили командующим 16-м дивизионом и он едет в Токио. Ему назначена аудиенция императора, и он намерен дать совет в том плане, что нынешнюю войну («китайский инцидент») следует остановить; хотел бы заявить то же самое и принцам Чичибу и Такамацу.

— Знаю, что в этом вагоне полным-полно переодетых полицейских и агентов политической полиции, — сказал он, — но это мне не мешает заявить, что подобное занятие погубит Японию, если мы вовремя не остановимся. В самом деле, — продолжал он, — я также надеюсь увидеться с заместителем министра Ямамото. Он единственный человек на флоте, который может остановить войну... Я хотел бы встретиться с ним 3 сентября, — может быть, ты ему попозже позвонишь и скажешь, что я собираюсь увидеться с ним?

Исивара, который какое-то время был на короткой ноге с Ямамото, воспринимался в армейских кругах как что-то вроде еретика. Ярый сторонник учения «Ничирен», он верил, где-то через 2500 лет после смерти Буд-

ды (примерно в 2000 году) создадут что-то вроде «всемирного правительства», но на пути к нему разгорится война в беспрецедентных масштабах. Именно он планировал «маньчжурский инцидент», имея идею создания в Маньчжурии некоего идеального государства, в котором «будут жить в гармонии пять рас». В этих аспектах могло быть некоторое несовпадение его и Ямамото точек зрения, но, как только был развязан «китайский инцидент», он немедленно выступил с призывом к его локализации. Считал, что войска не следует использовать до начала «последней войны» человечества и инцидент необходимо быстро урегулировать, с тем чтобы избежать немедленной конфронтации с Америкой и Британией. По крайней мере в этом он, вероятно, нашел бы в Ямамото симпатизирующего ему слушателя.

— Как долго ты будешь в Токио? — тихо спросил Соримачи, предупрежденный, что военная и политическая полиция может подслушивать. — Понятно. Я сразу дам знать Ямамото.

Оставшиеся полтора часа, пока поезд не прибыл в Нагаоку, их беседа не представляла интереса, и на станции Нагаока они расстались.

Соримачи ехал провести урок в начальной школе в деревне, лежащей посреди холмов где-то за Мьяучи, следующей за Нагаокой станцией. Урок начался в три часа и длился чуть ли не до заката, когда Соримачи и других присутствовавших накормили в доме какого-то местного шишки, располагавшемся на холме. Пока они ели, примчался запыхавшийся человек из деревенской администрации со срочным сообщением для Соримачи. Там по радио они услышали сообщение: заместитель министра Ямамото назначен на пост главнокомандующего Объединенного флота и побывал во дворце на церемонии облечения полномочиями. Деревенский староста и все присутствующие взволнованно поднялись при этой новости и трижды поаплодировали. Сам Соримачи, в возвышенном состоянии духа, немедля отправился в деревню и на такси вернулся домой в Нагаоку, где заказал разговор с Токио. Когда его соединили, он поздравил Ямамото, и они беседовали, пока Соримачи вдруг не вспомнил о просьбе Исивары, которую от волнения временно упустил из памяти.

Он рассказал Ямамото о встрече в поезде и о заявлении Исивары.

— К сожалению, — отвечал Ямамото, — я должен завтра отправиться на корабли и встретиться с ним не смогу. Но когда в следующий раз увидишь — передай ему мои добрые пожелания.

Если бы назначение Ямамото главнокомандующим состоялось на четыре-пять дней позже, встреча, на которую надеялся Исивара, возможно, произошла бы. Произойди это — и развитие «китайского инцидента», а в сущности, все будущее Японии имело бы совсем другой характер; кто знает, но шанс упущен. Ямамото ушел в море и с того времени вплоть до смерти больше не встречался с Исиварой.

3

В тот день, в 5.30 пополудни, Ямамото после поездки в Императорский дворец, где ему вручили полномочия главнокомандующего Объединенного и 1-го флотов, вернулся в здание из красного кирпича, где размещалось морское министерство.

В тот день газеты на видных местах поместили его высказывания при вступлении на новый пост под заголовками: «Вновь поднимаем паруса на семь морей после шести лет на берегу. Ямамото — суровый, молчаливый адмирал». Вот типичное его описание в одной из статей: «Крепко сбит, безукоризненная белая форма; в чертах лица мужественность, осознание торжественности момента, волнение; видна решительность характера; походка уверенная... Так выглядел вице-адмирал, входя в зал для пресс-конференции. Сегодня, хотя это нетипично для него, он осушил кружку пива одним глотком и с видимым удовольствием; затем произнес свою первую фразу в ранге главнокомандующего:

— Перед нами стояли всевозможные проблемы, но я сделал все, что мог. Мне нечего комментировать. Я исполнен сознанием великой важности задачи, которую мне незаслуженно доверили, и намерен сделать все, что в моих скромных силах, на службе его императорскому величеству. Для любого моряка пост главнокомандующе-

го — величайшая честь из всех возможных, и я это великолепно понимаю.

Статья, сопровождающаяся фотографией Ямамото, на которой он сверкает ослепительно белыми зубами, продолжается в таком же духе и сообщает ничуть не больше, чем любая газета в то время.

Ямамото, служивший заместителем министра при четырех сменявших друг друга правительствах — Хироты, Хайяси, Коноэ и Хиранумы, — был исключительно популярен у репортеров, аккредитованных при морском министерстве. «Какие бы вопросы вы мне ни задавали, — говорил он журналистам, — я всегда отвечу хотя бы «да» или «нет». Но рассчитываю, что вы станете мне верить». Он не отказывался беседовать с ними о сравнительно острых проблемах; иногда репортеры при офисе премьер-министра приходили к выводу: чтобы добраться до сути проблемы, им следует обратиться в морское министерство, к заместителю министра Ямамото. Он неизменно прямолинеен, не любит дипломатической лжи. Иногда становится драчливым в выражениях; способен заявить о ком-нибудь: «Терпеть не могу его характер!» или: «Только осел мог произнести подобное. Сюда бы его!»

Он нередко появлялся в Кокучокаи (Обществе черного потока) в морском министерстве; здесь находился старейший журналистский клуб Японии, и туда заходили некоторые из наиболее талантливых тружеников пера, прикрепленных к различным министерствам. Ямамото поигрывал в шоги (японские шахматы) и болтал с ними, и для них были всегда открыты двери его резиденции заместителя министра; невзирая на позднее время, угощал журналистов виски и сигарами и, расставаясь, провожал до дверей. Одна из причин, почему эти встречи проходили поздно ночью, — сам Ямамото возвращался домой в любое время, исчезая с работы в неизвестном направлении, как только она заканчивалась.

Репортеры, ответственные за сбор новостей из морского министерства, хорошо знали, что это за «всевозможные проблемы», на которые он ссылался, и как он «сделал все, что мог». Знали и то, что, если б хотел, он мог бы дать все необходимые объяснения. Но нельзя об этом сообщать напрямую в газетах. В любом случае он привле-

кателен как человек и служит важным источником новостей — и репортеры искренне расстраивались, когда человек, которого они за глаза звали Исороку, уходил в морское плавание. Днем раньше Объединенный флот отправил старшего помощника командующего Фудзиту Мотосиге в Токио, чтобы проводить вице-адмирала Йосиду Зенго и привезти нового командующего. Покинув флагман «Нагато», Йосида и Фудзита тут же переоделись в штатскую одежду для поездки в Токио на поезде; пресса тем не менее пронюхала о них и вторглась в ночной поезд, намереваясь выведать у Йосиды кое-что о его надеждах и впечатлениях при вступлении на пост морского министра, и Фудзите пришлось всю ночь серьезно трудиться, чтобы расстроить попытки журналистов.

В 7.10 утра 29-го числа Йосида и Фудзита приехали на станцию Токио, где их встретил помощник капитана 3-го ранга Санемацу Йюзури, адъютант из морского министерства. Они проследовали в здание министерства, где Йонаи Мицумаса ожидал Йосиду.

У Йонаи баня уже готова, и, пока Йосида ее принимал, появился и заместитель министра Ямамото. Все трое побеседовали за завтраком. Не впервые Фудзита встречал Ямамото, с тех пор как служил дивизионным артиллеристом на «Акаги», пока Ямамото командовал кораблем. Однако последующие три с половиной месяца он находился в близком контакте с Ямамото как ответственный за протокол и персонал.

На следующий день, когда Фудзита ехал в резиденцию заместителя министра, чтобы эскортировать Ямамото на церемонию вступления в должность, он узнал, что жена Ямамото, Рейко, в Каруидзаве, а Ямамото в путь провожала служанка. Переодетый агент полиции сопровождал их в машине до ворот Сакасита при въезде в Императорский дворец. Когда они вернулись после церемонии, этот человек ожидал их на том же месте и снова помог Ямамото сесть в машину. Но Ямамото сказал Фудзите, что он уже не заместитель министра и больше не нуждается в полицейской охране; Фудзита отослал агента. Все в то время знали в министерстве, что военная полиция не только выполняет охранные функции, но и шпионит за своими подопечными.